

А. А. Бадмаев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

badmaeva@ngs.ru

ФЕНОМЕН АГРЕССИИ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ БУРЯТ XVII–XIX ВЕКОВ *

При опоре на исторические и этнографические материалы, а также памятники монгольского права выделяются и характеризуются виды агрессии, имевшие место в истории и культуре бурят. Определены следующие виды: внешняя агрессия государств и других народов по отношению к этническим объединениям, которые консолидировались в бурятский народ; межгрупповая, возникавшая между разными группами бурят; внутrigрупповая; внутрисемейная. С вхождением бурятских земель в состав России агрессия вызывалась столкновением русских переселенцев и бурят на почве экономических, бытовых и других интересов. По мнению автора, в культуре бурят XVIII–XIX вв. агрессия была явлением полиморфным, но преимущественно имевшим бытовой характер. В статье выявляется круг основных факторов, повлиявших на отказ бурят от кровной мести. Автор приходит к заключению, что эта традиция была изжита под воздействием таких факторов, как кодификация обычного права с введением значительных по размерам штрафов за убийство, передача уголовных дел в компетенцию «канцелярских» судов, которые выносили более суровое наказание, чем это было прежде. Кроме того, принятие бурятами буддизма и христианства укрепляло в них убеждение в необходимости бескровного решения конфликтов.

Ключевые слова: буряты, агрессия, кровная месть, уголовное законодательство, наказание.

Агрессия – часть процесса взаимодействия людей, групп и народов. В исторической ретроспективе у каждого народа она проявлялась на разных уровнях и принимала различные формы. В литературе ее обычно рассматривают как следствие конфликта интересов и вероятный способ его решения [Бутковская, 2006. С. 16]. С крайним результатом агрессии – совершением убийства, связана традиция кровной мести, у некоторых народов России сохранявшаяся вплоть до 30-х гг. XX в. Являясь ответной реакцией родовой группы, патронимии, на убийство сородича, она расширяла и затягивала конфликт, и для его разрешения требовалось посредничество авторитетных лиц – представителей других родов.

Исследование явлений агрессии и примирения у бурят дает новое знание о культуре народа и его менталитете, позволяет ответить на вопросы о генезисе и эволюции механизмов контроля социальной напряженности у скотоводов Центральной Азии и Южной Сибири. Хотя отдельные аспекты темы освещались в работах автора (например, [Бадмаев, 2013]), в целом она остается недостаточно исследованной. В настоящей работе выделяются и характеризуются виды агрессии у бурят, затрагиваются причины исчезновения традиции кровной мести.

В истории и культуре бурят отмечались различные виды агрессии. Примером агрессии первого вида является история присоединения бурятских земель к Русскому госу-

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

дарству. Имели место такие ее виды, как межгрупповая, внутригрупповая и внутри-семейная.

Начальный период межэтнических контактов русских с бурятами (20–40-е гг. XVII в.) преимущественно характеризовался открытой конфронтацией и военным противостоянием двух народов [Павлинская, 2008. С. 145]. Представляя сплоченную и профессионально подготовленную силу, русские казаки и служилые люди в конечном счете преодолели разрозненное сопротивление бурят и присоединили Предбайкалье и Западное Прибайкалье к Московскому царству с использованием преимущественно военной силы.

В Забайкалье «встреча цивилизаций» имела несколько иной характер. Здесь на ход событий повлияла развивающаяся в Центральной Азии агрессия маньчжур против монгольских государств, усугубленная войной джунгар и восточных монголов. Русские власти, войдя в субрегион, на который претендовали восточномонгольские ханы, вскоре ставшие вассалами маньчжурских императоров, должны были избрать более гибкую тактику в отношении живущих там народов. Соответственно конфликты имели место, но в меньших масштабах, чем в Предбайкалье. В указанный период монголоязычное население края (хори-буряты, табангуты и др.) было неустойчивым. Сначала из-за злоупотреблений некоторых русских администраторов оно в основном перекочевало в Монголию, откуда часть его, попав под еще больший гнет феодалов Халхи, предпочла вернуться обратно (вместе с вынужденными мигрантами монголами – сартулами, цонголами и др.). Общая угроза, исходившая от владетелей Халхи и стоявших за ними маньчжур, потребовала объединения немногочисленных русских людей с населением Забайкалья (монголами, хори-бурятами и хамниганами), соответственно их поведенческие установки изменились в сторону большей терпимости и солидарности.

С наступлением мирного времени (в Предбайкалье – со второй половины XVII в., в Забайкалье и Восточном Присяянье – с конца XVII в.) конфликты между русскими и бурятами возникали по экономическим (нарушение прав бурят на земельные и промысловые угодья) и иным причинам, зачастую имевшим криминальный характер (захват

у бурят скота, дополнительные поборы при сборе ясака и т. д.). Страдая от произвола местных администраторов и их подчиненных, буряты искали управу на них, прямо обращаясь к российским самодержцам. Подобные единичные случаи апелляции к верховной власти были успешны [Бурятские летописи, 1995. С. 8].

В XVIII в. процесс социокультурной адаптации бурятского и русского населения продолжился, одним из результатов чего стало складывание смешанных групп (карымов и др.). Однако по-прежнему имели место конфликты. Особенно невообразимо вели себя разного рода сборщики ясака, сопровождавшие их толмачи и казаки [Залкинд, 1970. С. 302–303, 378–379]. Такого рода конфликты становились известны в результате жалоб, поданных пострадавшими бурятами, зачастую являвшимися инородческими начальниками.

В XIX в. русско-бурятские взаимоотношения в целом носили миролюбивый характер, а в Западном Забайкалье даже встречались примеры куначества, когда буряты заводили друзей *нухэдууд* среди русских и наоборот. Но с дальнейшим притоком в Байкальский регион переселенцев, обладавших несколько иным менталитетом, чем большинство старожильского населения, адаптировавшегося к аборигенам, неизбежно увеличилось число столкновений между ними. Конфликты возникали из-за захватов переселенцами сенокосных и промысловых угодий, угона и забоя ими бурятского скота, устраиваемых казаками грабежей на дорогах, нападений на бурятские семьи бежавшими с приисков каторжанами и т. д. (см.: [Астырев, 1890. С. 15; Дуброва, 1884. С. 16, 45; Термен, 1912. С. 14, 25] и др.).

Следующий вид агрессии у бурят – межгрупповая. Она может быть проиллюстрирована на примере выделяемой М. Н. Хангаловым эпохи так называемой *зэгтэй аба* («облавной охоты»). Как утверждает автор, это было время, когда основным источником жизнеобеспечения предков бурят Предбайкалья (эхиритов и булагатов) была конная загонная охота. Такие облавы, проводимые силами отдельного этнического сообщества или целой группы, не только решали вопросы обеспечения мясом, пушниной и кожным сырьем, но и играли роль военных маневров, в ходе которых мужчины обучались боевому взаимодействию и

навыкам стрельбы из лука, ведению конного боя. Нередко под прикрытием *зэгтэй аба* буряты совершали внезапные нападения на соседей с целью захвата пленных, в том числе женщин и скота [Хангалов, 1958. С. 66, 85, 91].

Внутригрупповая агрессия проявлялась в рамках отдельно взятого локального сообщества и была связана с психически неустойчивым состоянием людей, которое выражалось во враждебности к окружающим и личном неприятии кого-либо из них. Эмоционально выраженная, она выливалась в словесные оскорбления, а зачастую и в физическое насилие. Бурятское общество осуждало агрессивное поведение и воспитывало у подрастающего поколения такие положительные качества личности, как доброта, уравновешенность, терпимость, гостеприимство и т. д. Поэтому любую человеческую агрессию буряты были склонны объяснять происками восточных *тэнгэринүүд* («небожителей») и злобных *заянууд* («духов»), для умилостивления которых полагалось приносить соответствующее жертвоприношение [Вернадский, 1997. С. 175]. Отсюда можно заключить, что агрессивность воспринималась бурятами чем-то сродни болезни.

Наконец, внутрисемейная агрессия в силу сложившегося неравенства полов у бурят не была явлением исключительным. С момента рождения девочки находились в более ущемленном положении, чем мальчики, которые считались продолжателями рода. Появление на свет девочек было для родителей менее желанным. Как и в любом традиционном обществе, у девочек воспитывали материнские качества и приучали к выполнению хозяйственных работ. Брак обычно заключался, когда отец невесты получал калым, состоявший преимущественно из согласованного между сторонами поголовья скота. Родовые институты брака и семьи ставили женщину в зависимое положение от мужчины, поэтому у бурят частыми были случаи бегства молодых жен от мужей. Причиной этого было совершенное помимо их воли замужество, а также не сложившиеся отношения с супругом, который, если она была ему не по нраву, мог «нарочно ее бить и жестоко с нею обращаться, чтобы заставить ее убежать к родителям и потребовать возвращения уплаченного за нее калыма» [Хангалов, 1958. С. 197].

Изучение феномена агрессии в традиционной культуре нередко связывается с традициями кровной мести. Однако этнографические материалы позволяют однозначно сделать вывод, что во второй половине XVIII – XIX в. такие традиции бурятам не были известны. Следует остановиться на причинах, обусловивших такой порядок вещей.

О том, что в дорусский период истории бурят Предбайкалья и на начальном этапе их вхождения в состав России кровная месть была распространена, свидетельствуют фольклорные произведения и этнографические материалы, собранные М. Н. Хангаловым. В частности, мотив мести за смерть близкого родственника нередок в эпических произведениях устного народного творчества. В традиционном мировоззрении бурят месть как воздаяние за совершенное преступление также присутствует. Так, среди духов – хозяев местности выделялась группа персонажей, которые, как полагали, при жизни стали жертвами чужой агрессии – были убиты или доведены до самоубийства [Нацов, 1995. С. 66, 68–69]. Считалось, что они могут мстить живым, поэтому им ежегодно приносили установленные жертвы. Таким образом бурятское локальное общество откупалось от духов, осознавая совершенную в отношении них несправедливость.

В кодексах монгольских народов, включая бурятские, кровная месть в качестве преступления, естественно, не выделялась. Но была предложена узаконенная альтернатива талиону и кровной мести: за убийство наказывали штрафом в виде значительного числа голов разного вида скота. Так, по монголо-ойратскому уложению 1640 г. «Их цааз» («Великое уложение»), убийца должен был отдать семье убитого 1 000 овец [1981. С. 15]. Это была так называемая *анза* («возмещение скотом»). Г. Ф. Миллер, описывая бурят и селенгинских монголов, называет более скромную по размеру *анза* – «300 голов лошадей, верблюдов и овец» и даже меньше, если о том договорятся с судьями [2009. С. 164–165]. Ссылаясь на Н. Витсена, сведения которого относятся к концу XVII в., он утверждал, что у монголов было принято в случае отсутствия у убийцы необходимого числа голов скота отдавать последнего «в вечное рабство родственникам (убитого. – А. Б.), которые могут продать его кому хо-

тят» [Их цааз, 1981. С. 164]. На фоне того, что за кражу лошади допускался смертный приговор, это было явным прогрессом.

Вероятно, к 30-м гг. XVIII в. данный обычай был все же изжит, так как Г. Ф. Миллер пишет, что в материальном возмещении стороне убитого участвовал весь род убийцы, чтобы не допустить передачи дела в городской суд, как того требовала инструкция С. Владиславича-Рагузинского 1728 г. «пограничным дозорщикам» [Там же]. Отметим, что данная инструкция, появившаяся после подписания Буринского договора 1727 г., который установил государственную границу между Российской и Цинской империями, помимо подробного изложения правил пограничной службы, взаимоотношений с цинской стороной и т. д., регламентировала управление монгольским и бурятским населением Забайкалья, в том числе и вопросы судопроизводства. Она представляла основополагающий документ, который сохранял свое значение вплоть до принятия Устава об управлении инородцев 1822 г.

Когда убитым был инородческий начальник, *зайсан* или *шуленга*, его убийца отдавал родственникам покойного, помимо *анза*, особую плату *Wirki*, куда входили девушка, верблюд и панцирь [Там же. С. 165]. Включение в качестве компенсации верблюда и доспехов находилось в полном соответствии со степным законодательством XVII в.: по нему, штраф ценной вещью, как правило оружием, дополняли дорогостоящим животным – верблюдом [Восемнадцать степных законов..., 2002. С. 86]. Но то, что в качестве возмещения фигурирует человек, указывает на сохранение в бурятском праве вплоть до середины XVIII в. архаики, от которой давно отказались другие монголы. Особый социальный статус, который имели бурятские родоначальники, выполнявшие обязанности судей в этническом сообществе [Линденау, 1983. С. 137], видимо, и определил полагающееся в случае их смерти возмещение наибольшими в то время ценностями.

Очевидно, что закрепление в регулирующих жизнь монгольских народов законах XVII в. позиции о значительной по размерам компенсации в пользу семьи убитого, налагаемой на убийцу, уменьшало основания для кровной мести. Кроме того, суд добивался от убийцы принесения публичных извинений родственникам убитого, без та-

кого акта раскаяния примирение сторон не было возможным.

С введением упомянутой выше инструкции С. Владиславича-Рагузинского, смертные случаи среди бурят стали предметом разбирательств «канцелярских» судов, выносивших решения, руководствуясь уголовным законодательством Российской империи. Но такая практика не сразу возымела действие – потребовался период адаптации бурятского населения к имперским законам. Надо полагать, что суровость наказания, применяемого государством к убийцам, была сдерживающим фактором для осуществления кровной мести. В Петровскую эпоху и несколько позднее за многие виды преступлений приговаривали к смертной казни. Так, за умышленное убийство обезглавливали, а за тяжкие виды убийства (убийство родителей, по найму, путем отравления и др.) колесовали [Законодательство Петра I, 1997]. За совершение непреднамеренного убийства жизни не лишали, а били шпицрутенами и штрафовали. Так как кровная месть, по традиции, вершилась открыто, она не могла облекаться в форму неосторожного убийства и тем самым скрываться от следствия.

Важным фактором, благотворно повлиявшим на поведенческие установки монгольских народов, являлось принятие ими буддизма, который любую агрессию рассматривает как зло, вредящее карме человека. Его адептам рекомендуется избегать дурных мыслей и поступков и не поддерживать их в других людях. Такая позиция, воспринятая бурятским обществом, отрицала саму возможность кровной мести. Новая религия овладела умами бурят тогда, когда они уже отказались от этой пагубной традиции, и ее значение следует видеть в укреплении в обществе моральных устоев, не допускавших убийство.

Таковую же положительную роль играло принятие православия частью бурят. Однако массовая христианизация, проводимая с помощью материального и экономического стимулирования неопитов, не могла и не привила последним христианские ценности; лишь малая их часть стала истинными христианами.

В завершение следует сказать, что в традиционной культуре бурят агрессия была явлением полиморфным. Внешняя агрессия в пору присоединения к России бурятских земель в Предбайкалье и Западном Прибай-

калье представляла масштабный кровавый конфликт с вовлечением значительных групп людей, который завершился с признанием бурятами русского подданства и обложением их ясаком. Межгрупповая агрессия в эпоху *зэгэтэ-аба* прежде всего являлась столкновением экономических интересов целых этнических сообществ, и примирение сторон было возможно только с восстановлением статус-кво. Но чаще всего агрессия носила бытовой характер, проявляясь в виде внутригрупповых и семейных конфликтов. В XVII в. кровная месть была известна у бурят, но данная традиция под влиянием различных факторов (кодификация обычного права с введением значительных по размерам штрафов за убийство, передача уголовных дел в компетенцию «канцелярских» судов, которые выносили более суровые наказания, чем это было прежде) была изжита. Принявшие в XIX в. широкий размах буддизация и христианизация укрепляли в бурятах убежденность в необходимости бескровного разрешения конфликтов.

Список литературы

Астырев Н. М. Монголы-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. 1890. № 12, дек. С. 11–53.

Бадмаев А. А. Что скрывается за легендой об исходе хори-бурят с острова Ольхон // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. 19. С. 400–403.

Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 198 с.

Бутковская М. Л. Социальность как способ адаптации человека: универсальные механизмы контроля социальной напряженности и их эффективность в современном обществе // Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. М.: Научный мир, 2006. С. 12–29.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. 480 с.

Восемнадцать степных законов: памятник монгольского права XVI–XVII вв. / Пер. с монг., введение, комментарий и исследование А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.

Дуброва Я. П. Экспедиция к берегам р. Селенги // Изв. ВСОИРГО. 1884. Т. 15, № 1–2. С. 1–92.

Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. М.: Юрид. лит., 1997. 880 с.

Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.

Их цааз («Великое уложение»): памятник монгольского феодального права XVII в.: ойратский текст / Введение, пер. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляске из российских архивов: Т. 8, ч. 1: Герхард Фридрих Миллер, Этнографические труды)

Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введение, пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 156 с.

Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб.: Европейский Дом, 2008. 256 с.

Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления. СПб.: Тип. МВД, 1912. 130 с.

Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.

A. A. Badmaev

*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

badmaevaa@ngs.ru

PHENOMENON OF AGGRESSION IN BURYATS' HISTORY AND CULTURE IN XVII–XIX CENTURIES

Purpose. The article defines and characterizes types of aggression spread among the Buryats during the XVII–XIX centuries. In addition, we determine the factors that lead to the Buryats' refusal from the tradition of blood feud.

Results. Based on the study of the sources available, the author identifies the following types of aggression: aggression of foreign states and other nations to ethnic communities which joined to make the Buryat people; aggression that occurred among different groups of the Buryats; intragroup aggression; family aggression. With final incorporating into Russia, the Buryats also faced aggression caused by the ethnic clash between the Russians and the Buryats, which was motivated by economic, domestic and other interests. An example of the aggression of the first type is the story of annexing the Buryat lands by the Russian state. Intergroup aggression among the Buryats can be illustrated by the era of the so-called *Zegetei aba* (battue hunting), while the Buryats could attack their neighbors in order to snatch some prisoners, cattle or women. Intragroup aggression, according to popular beliefs, was a kind of illness and was caused by the evil influence of eastern gods or spirits who required sacrifice. The Buryats treated the cases of evil behavior inside the group negatively and tried to cultivate hospitality, tolerance and kindness.

The article shows that the ancestors of Buryats were known to stick to the tradition of blood revenge. Their culture was a culture of warriors, in which all aspects of life including the system of values and behavioral attitudes conform to the standards of a militarized society. Relations between ethnic communities and inside them were ruled by the law of the talion, the essence of which is accumulated in the phrase «an eye for an eye, a tooth for a tooth», and they grew into the tradition of blood revenge. During the pre-Russian period in the history of the Buryats of Predbaikalye and during the initial stage of their joining Russia, the blood feud was also common, which is testified by the folklore and ethnographic materials gathered by M. N. Khangalov. The situation started to change with adopting the rules of «Great Yasa» by Chingis Khan, which were then included into all codes of the Mongolian peoples and the Buryats. There was offered an alternative to blood feud and talion. In case of killing a person, the killer or their countrymen were punished with a fine in the form of a significant number of heads of different livestock species. With the introduction of instruction by S. Vladislavich-Raguzinskii of 1728, murders among the Buryats were the subject of court proceedings which issued their decisions in accordance with the criminal legislation of the Russian Empire. The severity of punishment from the side of the Russian government became a deterrent to the tradition of blood revenge. The acceptance of Buddhism and Orthodox Christianity by the Buryats had an equally positive impact on the customs and traditions adopted in the society.

Conclusion. Aggression was polymorphic in the traditional culture of the Buryats, and it had mostly household character. The tradition of blood feud being well-known among the Buryats in the XVIIth century, it vanished in the centuries to follow.

Keywords: Buryats, aggression, blood feud, criminal law, punishment.

References

Astyrev N. M. Mongoly-buryaty Irkutskoi gubernii [The Mongols-Buryats of the Irkutsk region]. *Severnyi vestnik* [North vestnik], 1890, no. 12, december, p. 11–53. (in Russ.)

Badmaev A. A. Chto skryvaetsya za legendoi ob iskhode khori-buryat s ostrova Ol'khon [What lies behind the story of the exodus Hori-Buryats from Olkhon island]. *Problemy arkheologii*,

etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories], Novosibirsk, 2013, vol. 19, p. 400–403. (in Russ.)

Buryatskie letopisi [Buryat chronicles]. Compilers Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude, BSC, 1995, 198 p. (in Russ.)

Butkovskaya M. L. Sotsial'nost' kak sposob adaptatsii cheloveka: universal'nye mekhanizmy kontrolya sotsial'noi napryazhennosti i ikh effektivnost' v sovremennom obshchestve [Sociality as a way of human adaptation: universal mechanisms of control of social tensions and their effectiveness in modern society]. *Agressiya i mirnoe sosushchestvovanie: universal'nye mekhanizmy kontrolya sotsial'noi napryazhennosti u cheloveka* [Aggression and peaceful coexistence: General mechanisms controlling social tension in humans], Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2006, p. 12–29. (in Russ.)

Dubrova Ya. P. Ekspeditsiya k beregam reki Selengi [Expedition to the shores of the Selenga river]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of Eastern-Siberian department of Imperial Russian geographical society], 1884, vol. 15, no. 1–2, p. 1–92. (in Russ.)

Ikh tsaaz («Velikoe ulozhenie»): Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII veka: oiratskii tekst [Ikh tsaaz («the Great code»): Memorial of Mongolian feudal law of the XVII century: the Oirat text]. Introduction, translation and commentary made by S. D. Dylykov. Moscow, Nauka, 1981, 148 p. (in Russ.)

Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [The collected works]. Ulan-Ude, Buryat publish. house Publ., 1958, vol. 1, 551 p. (in Russ.)

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century). Historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and North-East]. Magadan, Magadan Publ., 1983, 176 p. (in Russ.)

Miller G. F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of siberian peoples]. Publ. A. Kh. Elert and V. Khintsshe, trans. A. Kh. Elert. *Istochniki po istorii Sibiri i Alyaski iz rossiiskikh arkhivov* [Sources on the history of Siberia and Alaska from Russian archives], Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2009, vol. 8, part 1, 456 p. (in Russ.)

Natsov G. D. *Materialy po istorii i kul'ture buryat* [Materials on the history and culture of the Buryats]. Introduction, translation and notes made by G. R. Galdanova. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, part 1, 156 p. (in Russ.)

Pavlinkaya L. R. *Buryaty. Ocherki etnicheskoi istorii (XVII–XIX veka)* [The Buryats. Essays on ethnic history (XVII–XIX centuries)]. St.-Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2008, 256 p. (in Russ.)

Termen A. I. *Sredi buryat Irkutskoi gubernii i Zabaikal'skoi oblasti: Ocherki i vpechatleniya* [Among the Buryats of the Irkutsk province and the Transbaikal region: Essays and impressions]. St.-Petersburg, Printing house of the Ministry of internal affairs, 1912, 130 p. (in Russ.)

Vernadskii G. V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus]. Tver', Moscow, LEAN, AGRAP Publ., 1997, 480 p. (in Russ.)

Vosemnadtsat' stepnykh zakonov: Pamyatnik mongol'skogo prava XVI–XVII vekov [Eighteen laws of the steppe: The monument of mongolian law of the XVI–XVII centuries]. Trans., introd., comment. and research made by A. D. Nasilov. St.-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2002, 160 p. (in Russ.)

Zakonodatel'stvo Petra I [The legislation of Peter I]. Edited by A. A. Preobrazhenskii and T. E. Novitskaya. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1997, 880 p. (in Russ.)

Zalkind E. M. *Obshchestvennyi stroi buryat v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The social system of the Buryats in the XVIII – first half XIX century]. Moscow, Nauka, 1970, 400 p. (in Russ.)